

На следующее утро, когда солнце еще дремало за горизонтом, петухи разорвали тишину заливи́стым криком, опережая даже самый настойчивый будильник. Ли Цин, не в силах разомкнуть сонные веки, уткнулся лицом в тепло и мягкость, царившие рядом, и сонно потерся щекой о податливую плоть. От этого тела исходил дурманящий, пьянящий аромат, словно букет запретных желаний.

Внезапно острое чувство нереальности пронзило сонную дымку. Ли Цин с трудом приоткрыл глаза, и открывшаяся картина ошеломила его до глубины души. Он лежал в объятиях Ли Хуайшэня, его пальцы судорожно сжимали чужие запястья. Воротник халата мужчины был распахнут, небрежно обнажая рельефную гладь мускулистой груди.

Ли Хуайшэнь опустил взгляд, встретившись с паникой в расширившихся глазах: «Не спится?»

Его голос был низким, хриплым от сна, пропитанным томной негой. Едва уловимый шлейф феромонов, исходящий от него, необъяснимым образом опалил щеки Ли Цина румянцем, заставляя сердце бешено заколотиться в груди. Собрав остатки самообладания, он выдохнул: «Ты... Как ты оказался в моей постели?»

«Кто-то беспокойно ворочался и забрался ко мне под одеяло», – с легкой усмешкой поправил Ли Хуайшэнь, и на его губах мелькнула едва заметная улыбка.

Ли Цин перевел взгляд на скомканное одеяло, валяющееся на полу, и все понял. Очевидно, среди ночи его охватил озноб, и он, ища спасения от холода, прильнул к теплу чужого тела.

«...»

Мочки ушей Ли Цина предательски вспыхнули. Он попытался выскользнуть из объятий мужчины, но тот лишь придвинулся ближе, натянул на него одеяло и плотно укутал, словно пеленая младенца. В ушах прозвучал глубокий, обеспокоенный голос: «В горах холодно. Не замерзни, ты ведь только проснулся».

Говоря это, Ли Хуайшэнь еще сильнее сократил между ними расстояние. Грубые кончики пальцев коснулись нежной кожи руки, и от этого мимолетного прикосновения по телу пробежала дрожь. Феромоны раннего утра сложнее всего сдерживать, и тело непроизвольно источало свой собственный аромат.

Ли Цин почувствовал нарастающую неловкость и попытался отстраниться, но внезапно его дыхание перехватило.

Губы были слишком близко.

Некоторая степень влечения между Альфами и Омегами была заложена в самой их природе.

Ли Цин напрягся всем телом. Ему казалось, что его покинула вся сила сопротивления, и сердце забилось с неистовой скоростью, словно в предвкушении чего-то неизбежного.

Среди прерывистого дыхания из его горла невольно вырвался тихий стон, который, словно легкое перышко, коснулся сердца. Глаза Ли Хуайшэня потемнели, вены на руке, которой он опирался на край одеяла, вздулись, но выражение его лица оставалось невозмутимым.

Внезапно пронзительный звук телефонного будильника разорвал тягучую тишину.

Заметив, как уши юноши заливаются все более яркой краской, Ли Хуайшэнь усилием воли сдержался и отстранился, произнеся с нарочитой непринужденностью: «...Одевайся теплее, когда встаешь рано утром, не простудись, а то тетя Шу обвинит меня в том, что я не забочусь о тебе».

Только с увеличением расстояния этот необъяснимый трепет, вызванный воздействием феромонов, начал утихать.

«Хм».

Ли Цин отвернулся, чувствуя, как стыд и раздражение борются в нем за первенство, и пробормотал себе под нос:

Что за отвратительная конституция «искателя любви»? Я сегодня чуть не опозорился!

Ли Цин закончил собирать вещи и, накинув рюкзак на плечо, столкнулся в дверях с Сун Цзяшу. Тот был облачен в одежду от известного бренда, а легкий макияж бровей и глаз подчеркивал его природную красоту и изысканность.

«Так рано встал? Я как раз собирался тебя разбудить», – улыбнулся Сун Цзяшу.

«Я ставлю будильник, чтобы не опоздать».

В этот момент из комнаты вышла визажистка Сун Цзяшу. «Господин Ли, у вас сегодня съемки. Хотите, я сделаю вам макияж?»

«Не нужно, я не люблю этого. Простота – это самое лучшее».

«Не нужно, ему это не нравится. Простота – это хорошо».

Фразы прозвучали в унисон, вызвав у визажистки смех: «Хорошо, тогда я пойду».

Ли Цин кивнул, с некоторым удивлением глядя на Сун Цзяшу. Через мгновение они обменялись улыбками. «Господин Сун, у вас есть дар читать мысли?»

Сун Цзяшу самодовольно улыбнулся, склонив голову ближе: «Что же делать? Ты меня раскусил?»

В этот момент из комнаты вышел Ли Хуайшэнь. Увидев эту сцену, он слегка нахмурился. Сун Цзяшу посмотрел на него, и в его глазах, до этого сияющих улыбкой, промелькнул вопросительный отблеск. «Господин Ли, что вы делаете в комнате Сяоцина?»

«Не слишком ли господин Сун вмешивается не в свое дело?» – уклончиво ответил Ли Хуайшэнь.

«...»

Увидев Ли Хуайшэня, Ли Цин вспомнил утренний инцидент, и его щеки предательски порозовели. Он отвел взгляд, тихонько кашлянул, стараясь не подать виду, и сменил тему: «Цзяшу, нам пора. Пойдем на встречу с производственной группой».

Услышав, как юноша назвал его по имени, Сун Цзяшу расплылся в улыбке и ответил: «Хорошо».

Ли Цин бросил мимолетный взгляд на Ли Хуайшэня, затем попытался сохранить невозмутимый вид и вышел из дома.

Сун Цзяшу проводил взглядом убегающего юношу. Затем он пристально посмотрел на Ли Хуайшэня, и в его голосе не осталось и следа улыбки: «Что ты с ним сделал? Он тебя избегает».

Если он не ошибался, на молодом человеке все еще ощущался аромат феромонов Ли Хуайшэня.

«Я не собираюсь причинять ему вред, господину Суну не о чем беспокоиться», – глубокие глаза Ли Хуайшэня слегка блеснули, когда он, проходил мимо Сун Цзяшу.

Сун Цзяшу нахмурился, но, в конце концов, решил сосредоточиться на съемках.

...

Раньше деревню Паньюэ редко посещали из-за труднодоступности. Только пятнадцать лет

назад соответствующие ведомства Жуйчэна направили людей для ремонта дорог и домов, и ситуация в деревне начала улучшаться.

В других деревнях, отделенных от поселка Паньюэ несколькими горами, бедность оставалась неизменной. Как гласит пословица, каким бы бедным ни был человек, нельзя пренебрегать образованием.

Десять лет назад жители нескольких деревень собрали все свои сбережения - кто-то пожертвовал десятки юаней, кто-то сотни, - чтобы построить одноэтажную школу. Однако из-за нехватки кадров учителей часто приходилось обучать несколько классов вместе. Дети из соседних деревень каждый день до рассвета должны были пересекать горы и долины, чтобы добраться до единственной школы.

И теперь эта школа столкнулась с проблемой «треснувшей стены». Ради безопасности детей старосте деревни пришлось обратиться за помощью, что привлекло внимание Государственного управления радио и телевидения, которое отправило съемочную группу для съемки социальной рекламы.

Встреча была короткой: съемочная группа и гости еще раз обсудили этапы съемок.

Фактически, разработка плана проекта школы была завершена Ли Цинем, и команда программы, в соответствии с его просьбой, подготовила необходимые материалы и нашла рабочих для оказания помощи в строительстве, используя средства благотворительного фонда.

Сама съемка программы носила скорее символический характер. Однако их намерение сделать что-то благое было искренним.

После обеда начались съемки.

Ли Цин и Сун Цзяшу направились в старую школу, чтобы осмотреть ее. Стены были обветшалыми, а столы и кафедра сколочены из подручных материалов. Дети сидели за партами чинно и благоговейно, их глаза светились надеждой и ожиданием.

Ли Цин поприветствовал детей и вкратце объяснил ситуацию. Старая школа получила статус «аварийной», и на ее месте планировалось построить новую благотворительную школу, так что старое здание будет снесено, а территория расширена и отстроена заново.

В первый день работы объем работ был относительно небольшим: такие задачи, как разумные взрывные работы и снос, выполнялись профессионалами.

Воспользовавшись передышкой, Ли Цин побежал посмотреть на участок, который планировалось отвести под расширение школы. Там стоял только ветхий, давно заброшенный деревянный домик.

Полуденное солнце сияло вовсю, и насколько хватало глаз, простирались бескрайние просторы сочной, зеленой сельскохозяйственной земли. Ли Цин планировал построить здесь шестиугольную стеклянную библиотеку. В будущем солнечные лучи будут проникать сквозь стекло, дети будут сидеть за столами у окна, окруженные книгами, полными знаний, а за окном будут сменять друг друга времена года.

Благотворительная деятельность всегда осуществляется по правилам, но Ли Цин хотел добавить в эти правила частичку души. Это было его стремление.

«Дизайнер Ли», – раздался голос Сун Цзяшу; съемки программы продолжались.

Ли Цин обернулся и увидел, что Сун Цзяшу ведет к нему группу жителей деревни. Староста деревни, возглавлявший группу, добродушно улыбнулся и сказал: «Дизайнер Ли, мы слышали, что вы собираетесь построить на этом участке библиотеку для детей? Мы поможем вам снести этот старый деревянный дом!»

Сун Цзяшу всегда был в курсе событий, касающихся общественного благосостояния. В этот момент он уже держал в руках лопату, очевидно, считая себя членом команды по сносу.

Ли Цин улыбнулся и посторонился, пропуская их: «Хорошо, я тоже помогу вам».

Лишь только все потеряли руки, подготовившись приступить к работе, как вдруг раздался пронзительный крик: «Стойте! Никто не смеет трогать эту землю!»

Ли Цин нахмурился и уже приготовился повернуться в сторону, откуда донесся крик.

Неожиданно Сун Цзяшу стремительно рванулся вперед и тут же закрыл его собой.

- Хлоп!

Что-то ударило Сун Цзяшу по голове, и липкая яичная жидкость потекла по его волосам и лицу, промочила одежду и разнесла вокруг тошнотворный запах.

Ли Цин вздрогнул и нахмурился: «Цзяшу?»

Если бы Сун Цзяшу не отреагировал так быстро, то сейчас эта дурно пахнущая масса оказалась бы на нем.

<http://bllate.org/book/14669/1302368>